

**БУРЯТСКИЙ УЛУС-ЛЕТНИК
В МУЗЕЕ «ТАЛЬЦЫ»**

*Александра Карповна Нефедьева,
заместитель директора Архитектурно-
этнографического музея «Тальцы»
по науке, г. Иркутск*

Культура и быт бурят Предбайкалья в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» показаны пока фрагментом улуса-летника, состоящего из пяти юрт, поставленных по эллипсу в шахматном порядке. Такой порядок расстановки юрт на местности был обязательным для каждого начинающего строительство бурята и основывался на его уважении к соседу. Юрта, стоящая напротив, должна была давать возможность выходящему из юрты соседу человеку сразу увидеть необозримые степные просторы, погружая его в привычный мир ощущений.

Такое планировочное условие расположения жилищ на местности было характерным для многих народов, особенно в первоначальный период их развития, когда численность населения не была велика, а свободных земель было достаточно. У предбайкальских (западных) бурят этот обычай сохранился до середины XX века, в течение всего кочевого образа жизни — переездов со скотом с зимников на летние пастбища и обратно. Долгое существование данного обычая обуславливалось не только этической нормой, но и практическими целями. Внутри образованного юртами круга в ночной период загонялся скот, для обеспечения лучшей его сохранности.

Основная часть юрт, предназначенных для экспозиции, была вывезена в 1980 году из Алагуевского улуса, располагавшегося на побережье Байкала, близ известного селения Бугульдейка. По форме юрты восьмиугольные, рубленые из круглого леса способом «в обло», среди них отличительные особенности имеют две юрты, первая — рубленая из половинок бревен, вторая — из бревен, окантованных треугольником, поверхность которого обработана рубанком. Это единственная юрта, вывезенная из Эхирит-Булагатского района, где на конец XIX – начало XX века у бурят равное скотоводству зна-

чение получило земледелие. Соседство в этом регионе русских поселений с бурятскими улусами привело к изменениям в традиционном юростроении. Характерными особенностями юрты этой культурной зоны стали прируб сеной, высокая кровля, нижний слой которой составляют строганные доски, верхний — дранье или тес. Традиционное покрытие юрт Алагуевского улуса было иное. Нижний ряд составляли жерди, выполнявшие роль потолка, они сверху покрывались лиственничной корой, на которую укладывался слой земли или дерна. Форма кровли низкая. Из хозяйственных построек, являвшихся также неотъемлемой частью улуса, были навесы, примыкавшие к одной из сторон юрты, кровля навесов односкатная, состоит из жердей, лиственничной коры и дерна, очень пологая. Под навесом хранились бурятская арба — двуколка с большими деревянными колесами, кожемялка. Основная часть площади под навесом оставалась свободной, предназначаясь для укрытия мелкого скота, овец, от дождя и солнца. В связи с этим в экспозиции под навесом находится длинное, в несколько метров, неглубокое и узкое корытце — поилка для овец. Почти в центре улуса под специально построенным навесом стоит глинобитная русская печь. Жители улуса пекли в ней хлеб. Украшают улус формы малой архитектуры — фигурные столбы-коновязи («сэргэ»), поставленные в десяти метрах от входа в юрты. Хозяева и их гости привязывали к этим столбам коней. Обычай ставить коновязь у юрты был связан с

Бурятский улус-летник в музее «Тальцы». Фото В. Тихонова

Печь для выпечки хлеба. Фото В. Тихонова

женитьбой сына. Установленным сэргэ оказывали честь свату, чтобы мог он, приехав в гости, коня привязать.

Этот обычай, затухший было в советское время, вновь возрождается, особенно у ольхонских бурят. Легенда, которую автору довелось услышать в конце 1980-х годов в селении Еланцы, объясняет это явление следующим. Одному русскому по фамилии Петров, проживавшему в улусе Зама Ольхонского района, приснился Варнашка, известный среди ольхонских бурят шаман-предсказатель. Будучи неграмотным, он предсказал бурятам появление электричества, развитие технического прогресса и социализм. Часто подходил к богатым и говорил: «Зря богатеете, скоро всего лишитесь». Предсказания казались бурятам настолько дикими, что они стали считать его сумасшедшим. И в очередной момент предсказаний убили его. Варнашка стал почитаться среди бурят после того, как все предсказания его сбылись. Варнашка скакал на белом коне и, увидев Петрова, остановился и стал жаловаться, что скачет он, скачет на своем коне и хотел бы остановиться и зайти в гости к соплеменникам, а не может, коня привязать не к чему. Проснувшись, Петров рассказал сон соседу-буряту. Молва о сне разошлась по всему побережью Байкала и острову Ольхон. С этого времени буряты в улусах снова стали ставить сэргэ, но уже не столько для свата, как прежде, а для духов-покровителей, чтобы они могли при желании своих небесных коней привязать к коновязи и посетить семью, поставившую сэргэ.

Восстановленный фрагмент улуса-летника является час-

тью экспозиции, которая будет представлена в будущем. В нее войдут улус-зимник, маломорский рыболовецкий стан и экспозиция, отражающая верования бурят, — миссионерский стан (на период конца XIX — начала XX в. буряты были двоеверцами — христианство прочно уживалось с язычеством). Языческие верования бурят будут показаны через «тайлаганы», места на которых поклонялись хозяевам местности, родника, священному дереву и т. д. В настоящее же время, несмотря на отсутствие значительной части будущей экспозиции, улус-летник дает посетителям довольно широкое представление о традиционной культуре западных бурят, показывает традиционные жилища, планировочную структуру улуса, взаимодействие жилищ с окружающей средой.

Дополнительное знакомство с культурой западных бурят происходит через интерьеры юрт, которые значительно расширяют представление посетителей о занятиях, быте, кухне и верованиях бурят. Особенно в этом отношении интересен, на наш взгляд, интерьер юрты, в которой проживал шаман — посредник общения бурят с разными божествами и духами. Шаман играл огромную роль в жизни бурят-язычников. Он мог предсказать судьбу и, если она была неблагоприятна для человека, даже изменить ее посредством жертвоприношения, а иногда и вступления в борьбу с духами, которые должны были принести вред человеку. Например, если какой-то из слуг Эрлик-хана — хозяина подземного царства — похищал душу бурята, то, чтобы спасти его от неминуемой смерти (по мировоззрению бурят, человек без души может прожить, постоянно болея, не более года), шаман вступал с духом в борьбу и мог победить, тогда душа возвращалась в тело заболевшего и он выздоравливал. Одновременно шаман был лекарем, лечил заболевших от разных болезней, а обрядовыми действиями, изготовлениями «онгонов» мог предотвратить, особенно детей, от разных неприятностей.

Отличительной особенностью интерьера юрты шамана от интерьера обычной юрты является наличие в юрте шамана атрибутики, которую он использует при камланиях, — это конные деревянные или железные трости, меч и, если шаман был особо заслуженным, т. е. отличался большой силой, железная корона. Все эти атрибуты хранились в ящике-«шэрэ», который ставился у передней стены юрты на мужской половине и представлял собой узкий сундук на высоких ножках. На его лицевой стороне изображены онгоны луны — девушки с

Сэргэ в бурятском улусе-летнике. Фото В. Тихонова

ведром, и солнца, также изображенного в виде девушки. Такой ящик-шэрэ стоит в нашей юрте, исполненный в новоделе по образцу подлинного шэрэ, находящегося в Иркутском областном краеведческом музее.

Обычно в юрте шамана находился и костюм шамана, но сегодня это настолько большая редкость, что в таком молодом музее, как наш, иметь эту вещь в подлиннике просто невозможно. Многочисленные экспедиции, проведенные в местах проживания бурят, выявили отсутствие костюма шамана у народа. И вопрос может стоять только о его воссоздании, что вполне реально, так как подлинные шаманские костюмы есть в экспозиции музеев Улан-Удэ, столицы Бурятии, соседствующей с Иркутской областью. Костюм шамана, будь он представлен в экспозиции, позволил бы экскурсоводу через железные кованые или литые подвески, изображающие духов, помощников шамана, раскрыть мировоззрение бурят по устройству Вселенной. Вселенная по понятиям бурят была трехмерной: подземный мир, средний — земля, верхний — небо. В верхний мир — мир обитания богов, шаман мог попасть только из подземного, и выносила его оттуда птица гагара. На костюме шамана подвеска с изображением этой птицы была обязательной.

Дополняют экспозицию юрты шамана различные по своему назначению онгоны: хранители жилища, покровители охо-

ты, луговые женщины, онгоны-обереги, изготовленные шаманом для детей. Все они хранятся на полке, установленной на мужской половине юрты. Интерьер юрты шамана представляет момент только что совершившегося обряда посвящения хозяина юрты в шаманы. Необходимым условием посвящения была установка в юрте рядом с очагом березки, вершина которой выходила в дымовое отверстие — «дэрэ». К выступавшей над юртой вершине привязывались три ленточки, которые соединяли ее с другой березкой, стоявшей от юрты в 10–15 метрах. Это символический путь на небо, по которому должен был подняться шаман для представления богам. После обряда посвящения в звание шаман получал от старшего шамана шаманские атрибуты. На первой ступени это были деревянные трости, оканчивавшиеся головой коня. В ящике-шэрэ нашего интерьера, открытом для обозрения, хранятся именно такие деревянные трости.

В остальном интерьер юрты шамана не имеет отличия от интерьера юрты бурята. Так же левая сторона юрты, называемая женской, наполнена посудой и утварью, используемой женщиной в ежедневном обиходе. На мужской половине стоят длинные узкие сундуки — «абдары», лицевая сторона которых украшена либо резьбой, либо росписью. Узор резьбы или росписи геометрический. На той же половине ближе к входу хранятся лошадиная упряжь, обувь. Все предметы быта незатейливой работы, практически не бьющиеся. Много изделий изготовлено из шкур животных. На полу мужской половины юрты и перед кроватью лежат коврики, изготовленные из коровьих, чаще лошадиных шкур. Таким образом, интерьер любой юрты отражает прежде всего основу бурятской жизни — занятие скотоводством.

ЛИТЕРАТУРА

Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. — Новосибирск, 1987.

Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). — Л., 1937.

Петри Б.Э. Далекое прошлое бурятского края. — Иркутск, 1922.

Санжиев Г.Л., Санжиева Е.Г. Бурятия: История (XVII–XIX вв.). — Улан-Удэ, 1999. — Вып. 4.